

Продолжение

В нашем геологическом сообществе, как и у моряков дальнего плавания, традиционный русский «домострой» отсутствовал полностью – слишком подолгу, многими месяцами, мы жили и работали вне семьи. И, как пелось в нашем неофициальном геологическом гимне А.Городницкого – «Страдают в бродяжьих душах бетховенские сонаты ... - И светлые песни Грига переполняют их!» А, с другой стороны, мы столь же лихо запевали и другую его песню – «И, если есть ТАМ с тобою КТО-то – Ему недолго мучиться... - Люблю тебя я до поворота, - А дальше, как получится!» Мы, бродяги-романтики, генетически привыкли жить - «до поворота». И, отношение к «супружеской верности» было у нас, традиционно, не совсем «обывательно-стандартным». Потому и обиходные сплетни, очень модные в любой «материковской» хмельной компании – «кто, с кем, когда, как и сколько» - в нашем сообществе всегда пресекались «на корню», вплоть до мордобоя. А любителей «клубнички», просто, изгоняли из общества. И, как всегда, наиболее исчерпывающе на эту тему высказался мой геологический «крестный» Лёва Быховский, когда я у него спросил как-то, не ревнует ли он свою жену, Наташу Патык-Кару, которая постоянно была окружена плотной толпой, весьма активных и агрессивных, поклонников. «А, что, Я – последний парень на деревне, что ли, если моя женщина только МНЕ нравится?! Но, она, ведь, все-таки – именно, МОЯ жена, однако!! Так что – пусть себе режутся - флаг им в руки!!» У нас же ситуации доходили и до комизма. Вспоминаются еще наши частые бурные хмельные посиделки конца 60-х – Люся Смирнова уговаривает разгулявшегося мужа, Саморукова – «Коленька!! Ты поспи немножко, мой хороший, а потом и «по девочкам» сходишь!! Поспи, дорогой!!»

«А, теперь – по девочкам!!» - было старой доброй финальной традицией в любой нашей бурной компании в те веселые молодые годы. «По-девочкам» мы ходили и с Колей Суловым в 68-м, к знаменитым нашим «трем Б» - Быковой, Белкиной и Буйволовою на Пугачева. И, даже, с Валерой Тимохиным, – «утешать», как раз, «брошенку» Ларису Дубкову, которая жила с новорожденной Ксенькой Жуковой в 8 доме на Полевиках. Лариска тогда, помнится, «спустила» нас с лестницы, - «Достали, утешители!!» Досталось нам тогда, по-возвращении, и от любимой Валеркиной жены – «Не надоело еще кобелировать-то?! Хоть бы девку пожалели, «утешители!!» А, ведь, именно, с Наташей Нечаевой (Тимохиной) у меня был и первый настоящий чукотский «полевой роман», в 67-м. А потом многолетняя теснейшая дружба, в том числе и семейная. И, Валерий Иванович, буквально, боготворивший свою жену, официально заявлял, что доверить в Певеке свою «Наталеньку» может только одному человеку - мне – Серёге Казаринову. А, «полевые романы» были у нас нормой – я это усвоил еще со школьно-студенческих времен. Они часто создавали теснейшие семейные пары на долгие-долгие годы – я сам оказался реальным плодом именно такого классического «полевого романа», что и определило, во многом, мою дальнейшую судьбу. Но, большей частью, подобные «романы», как ни странно, геологические семьи только укрепляли, обостряя тоску по дому, - как пела еще незабвенная Анна Герман – «Ты поверь, что здесь –издалека, - Многое теряется из виду, - Тают гроззовые облака, - Кажутся нелепыми обиды!!»

Помню, как мы, ответисполнители, по весне, перед отъездом в поле, делили между собой студенток-практиканток – кому какая больше нравится. А потом учили их не столько геологии, сколь экзотической специфике полевой жизни. После этого, лишь единицы из них, выходя замуж, как Тома Шапорева, возвращались на Чукотку, а на полевых работах женщины сами уже становились экзотикой. Как и на кораблях дальнего плавания. Полевая геология потому традиционно и считается исключительно «мужской» профессией. А, девчонки попадались изумительные, с которыми трудно было и расставаться, о чем я уже достаточно вспоминал выше. С геофизичкой из Владивостока Наташей Сатьяновой, работавшей на придипломной практике у нас в 1-м Пегтымельском поле, в 76-м, мы поддерживали тесную связь несколько лет и, я, даже, будучи в отпуске, ездил к ней в гости, уже в Душамбе, где она работала старшим геофизиком Памирской экспедиции в 78-м году. Сведома жены, кстати, которая в это время, отдыхала с дочерью у моих родителей в Пятигорске. Нам, как бы, нечего, а, главное, незачем было скрывать. Такие же продолжительные связи у нас складывались и с другими ребятами-студентами - полевой экстрим связывает быстро и надежно, как о том и Высоцкий писал – «Парня в горы возьми – рискни!! – Пусть он в «связке» с тобой –

Одной!! – Там поймешь, - Кто такой!!» Но, самой памятной осталась, конечно, уникальная татарочка из Казани, - Танечка-Танзиля Рахмановна, во многом, рубежного для меня, 1-го Кууль-Иннукайского полевого сезона 72-го года, которая через год сообщила мне, с сожалением, что диплом защитила отлично, но в Певек уже приехать не может, поскольку вышла замуж. А, с ней мы, действительно, спали в тундре, буквально, на одной кочке, ну и как же при этом - без «интима»?! Но, главным и основным для нас, однако, всегда было – только ДЕЛО!

Такое общее ДЕЛО, волею нашего руководства, появилось теперь и у нас с Ларисой. И, мы, привычно, углубились в него с головой. Тем более, что оно было для нас двоих, практически, «неподъемным» - требовалось «перелопатить» все фондовые материалы нескольких экспедиций за несколько десятков лет. И всего за год. Ну, а для нас, чем сложнее, тем интереснее. Мы и «занырнули» сразу «на полную глубину». С Ларисой мы, естественно, уже почти не расставались, а домой я, привычно, появлялся с работы лишь поздним вечером. Но, то, что было давно привычно для меня, стало, вдруг, совсем непривычно для моей жены, которая лишилась своей ответственно-напряженной работы. На мелкой технической должности, которую ей «доверили», ей, естественно, стало скучно, тем более в отсутствие дочери, которая заканчивала 8-й класс в Пятигорске, у моих родителей. И она, от нечего делать, начала «отслеживать» меня. Тем более, подогреваемая известной «общественной репутацией» Ларисы Петровны. Дома начались «разборки». Особенно, по поводу моих участившихся отлучек для хозяйственно-бытовой помощи «матери-одиночке», тем более, единственной моей сотруднице, что у нас у всех и всегда, до этого, было неизменной и обыденной нормой. Конфликты обострялись и нашими обоюдоострыми независимыми натурами – искры у нас летели всегда, едва не с первых дней знакомства, еще до свадьбы, а, с приездом на Чукотку, стали вполне привычными и регулярными. В основном, по мелким житейским вопросам, утверждающим главенство в семье, основным из которых было – воспитание дочери. Друзья даже удивлялись – «У вас же идеальная семья – как вы можете ссориться!?» Но, в данном случае, «нашла коса на камень»!

Апогея ситуация достигла, когда мы с Ларисой вернулись из плановой 2-х-месячной командировки в Анюйскую экспедицию. Там требовалось оперативно переработать гигантский объем фондовых материалов и мы, привычно, по-полевому, работали, практически, круглосуточно, живя в одной комнате, как в полевой палатке, тоже, привычно, по-семейному. Но, поскольку это было Билибино, где у нас было множество общих знакомых, в том числе, и не очень добрых, жена, оказывается, регулярно получала о нас самую красочную информацию от местных «доброжелателей». И, по приезде, меня ждал громкий семейный скандал, с битьем посуды, закончившийся моим демонстративным уходом из дома - возобладали неудовлетворенные амбиции и взаимное уязвленное самолюбие. Лариса Петровна любезно приютила меня в своей однокомнатной квартире, где она жила с дочкой Ксюшей. Совсем уже взрослая девушка, разумно-рассудительная десятиклассница Ксения, встретила мое появление удивленно и настороженно, что и неудивительно – помимо, естественно возникших, элементарных бытовых проблем, она была еще и ближайшей подругой моей дочери, которая к учебному году тоже появилась, наконец, дома, но уже только - у мамы. И тоже была крайне удивлена и ошарашена случившимся. Тогда же Ксюха и мне дала, по-детски, предельно точное и исчерпывающее определение – в разговоре с матерью, которая назвала меня очень простым, в общении, человеком, она возразила – «Нет, мама, - он не простой – он просто-сложный!» Точнее я и сам себя до сих пор определить, наверное, не смогу! А, тогда, я оказался в самой глубокой морально-семейной яме и, даже, не мог предположить, что «жизнь только начинается» - впереди еще 22 года насыщенной семейной жизни, пока жена не уйдет трагически, буквально, у меня на руках, в апреле 2009-го. И, история, как всегда, повторялась – буквально, «навсегда убегая» из Певека в драматическом 69-м, я, тоже, не мог себе представить, что прирасту к Чукотке еще на целых 20 лет! Любого, кто тогда предсказал бы мне такое будущее, я счел бы откровенно сумасшедшим. И сразу вспоминаются известные стихи Баратынского – «Не властны мы в самих себе, - И в молодые наши леты... - Даем поспешные Обеты, - Смешные, может быть, всевидящей Судьбе!»

Тяжело вспоминать об этом, но... настоящая моя работа на Чукотке на том, нежданно, практически, и закончилась – далее шли уже, в основном, эмоции и амбиции. Профессиональные амбиции и личные эмоции. Амбиции мешали признать поражение – я

реально не мог выполнить поставленную задачу, так, как считал нужным, а эмоции мешали трезво и полноценно оценить сложившуюся ситуацию. Я не мог достоверно и доказательно «сшить» свои центральночукотские материалы с западночукотскими, анюйскими, даже в своей любимой прибрежноморской зоне, от устья Колымы до мыса Биллингса. А, по внутренним горным районам, мне, как и в памятном, скандальном 68-м, оставалось только отрисовывать разновозрастные четвертичные террасы лишь по высоте их уступов. Чего, собственно и добивались мои настойчивые оппоненты-работодатели. А, предстояло еще поднять и огромные материалы Шмидтовской экспедиции, и увязать, наконец, свой «родной» Пегтымель с легендарным Рывеемом. Но, возникший семейный скандал творческого энтузиазма, естественно, не поднимал. Я, возможно, мог бы, вполне незаметно для окружающих, связаться с любой другой женщиной, но Дубкова..... – это был уже наглый и откровенный вызов обществу, не только экспедиции, но и всего города, - знакомые начали демонстративно отворачиваться при встрече. Но, для меня это был уже «принцип»!

Единственным «оазисом в пустыне» для нас остался наш родной 212 кабинет Гытченченского ОГГС, где полновластным хозяином был уже Юра Клименко. Ребята, писали окончательный отчет и, по-прежнему, жили дружно-весело, хотя и обращались теперь к нам с Ларисой подчеркнуто учтиво, строго по имени-отчеству. Случались у нас и традиционные Единственным «оазисом в пустыне» для нас остался наш родной 212 кабинет Гытдомашние посиделки, но теперь только на квартире Юры и Ларисы Телегиных, где нас, как и раньше, всегда встречали с искренним радушием. Осложняла жизнь лишь очередная государственная «антиалкогольная кампания», доведенная, как и положено в нашей, предельно формализованной системе «развитого социализма», до полного идиотизма, низводя людей до истинно скотского состояния. Особенно, у нас, в Заполярье, где даже знаменитый «час волка» воспринимался, как жесткая диета. Однажды, мы, с Юриком Клименко, стояли после работы, любуясь на бурную толпу, штурмующую единственный, оставшийся в городе, тесный винный магазинчик. Из толпы с трудом выбрался мужичок «кавказской национальности», без шапки, но в модной истерзанной дубленке, с оторванным рукавом и «с мясом» выдранными пуговицами. В одной руке он сжимал добытую драгоценную бутылку, а в другой, лишь горлышко от второй, уже разбитой! И, взглянув, полубезумными глазами на свой истерзанный вид, и на горлышко у себя в руке, он вдруг, с истинно кавказским горским визгом, хряпнул второй, целой бутылкой в стену проклятого магазина и, понуриив голову, побрел прочь по улице. Смеяться не хотелось – было грустно. Но, Юрик, с присущим ему философским юмором, тут же прокомментировал увиденное, - А, знаете, Сергей Львович, - мы с Вами, все-таки, слава Богу, алкаши лишь третьей категории! -Это как?! – поинтересовался я. - Ну, - первая категория и гуталин съест, чтобы забалдеть», - улыбнулся Юра, - Вторая, любой ценой достанет, но «нажрется», а мы – если есть, что пить, обязательно напьемся, ну, а, коли нет – и так сойдет!! А, «нажраться», почему-то, хотелось все чаще. И мы, естественно, выход из положения, как всегда, находили. Мне, на день рождения, подарили даже кастрюлю-«скороварку», переделанную под самогонный аппарат – земля русская «самоделкиными» всегда славилась. Правда, реально испытать подарок мне так и не довелось.

Между тем, из Москвы меня долбил письмами С.А.Лаухин. В ЦНИГРИ настойчиво предлагали мне работу в отделе Геологии россыпей, на самых соблазнительных условиях. Я долго отмалчивался – не привык бросать начатое дело, тем более такое фундаментальное и почетное - авторство миллионного листа навсегда оставляло бы моё имя на карте Чукотки, в одном ряду с самыми легендарными корифеями. Но, формально дело делать не хотелось, а, как хотелось, было, практически, невозможно. Последней соломиной, «сломавшей спину верблюда», оказалось соглашательство Клименко, который в окончательном Гытченском отчете, вновь закартировал выявленные мной высокие палеогеновые террасы, как меловые вулканиты. Чтобы не обижать новоиспеченного «генерала» - Гешу Сутугина. Передо мной же он просто извинился за то, что, по объективным причинам, разумеется, они не успели достоверно определить их возраст, то есть завершить работы, которые мы намечали еще совместно, под моим руководством, на полевой сезон 85-го. Естественно, я составил соответствующий официальный рапорт руководству экспедиции. Назревал новый скандал.

Но, кстати, пришло очередное послание из Москвы. – Мне предлагались уж совсем фантастические условия, – прямой перевод в Институт приказом Министерства геологии, на должность старшего научного сотрудника, с максимальным должностным окладом, который, в принципе, превышал мою чукотскую зарплату, вместе с коэффициентом и надбавками. Дополнительным аргументом была уже заготовленная для меня визитная карточка, где я, по-английски, представлялся, как доктор и профессор – Лаухин был уверен, что уж от этого я не сумею отказаться. Визитка особенно понравилась Ларисе – ей, все-таки, мечталось стать «докторшей и профессоршей», но было, к сожалению, этого не суждено. Хотя, сойдись мы с ней понастоящему, она бы меня, наверняка, за шиворот вытащила и в академики. И, я не устоял – на перевод, наконец, согласился. Тут же, моя родная жена тоже уволилась с работы и улетела с дочерью в Москву – близкая подруга организовала ей солидное завидное место - заводом в Министерстве легкой промышленности. А я остался ждать приказа и собирать вещи. Работа моя в экспедиции на том закончилась. Вернее, меня, практически, заставили её закончить на полдороге, не позволив завершить начатое дело – меня победили – оппоненты-формалисты, с которыми я так яростно сражался целых 15 лет, взяли, таки верх! И это было очень обидно.

А, официально, я убыл из Певека 29 марта 1987 года, ровно одной недели не доработав до юбилейных 20 лет. Потому и прощание прошло без помпы и достаточно грустно. Ребята подарили мне большой моржовый клык с чукотской росписью, а, главное, камень с автографами большинства моих близких коллег по работе, который и украшает мой письменный стол уже более 30 лет. Но, без прощального юмора – настоящей цирковой клоунады госформализма, доведенного уже до полного идиотизма, все-таки не обошлось. В последний день перед отлетом меня, вдруг, вызвали в военкомат – удивился – необходимые формальности, связанные с убытием в Москву, были уже выполнены, вроде. Но, мне представили «мобилизационное предписание» - согласно приказу Министра обороны, я направлялся на 3-месячные курсы по переобучению на должность «командира танковой роты!» Я лишился дара речи, от удивления, но.... по-военному, собрался, -
- Я, извините, командир саперной роты, согласно ВУС-52, я - геолог-землекоп, и танки видел, разве что, в фильмах про войну, да на парадах по телевизору – какой же из меня... танкист?! – Абсурдность ситуации становилась потешной.
- Но, ПРИКАЗ! – райвоенком к возражениям не привык и начинал сердиться.
- К тому же, у меня запас 3-й категории, – упрямо продолжил я, - ограниченно годен в военное время. Ну, и, наконец, мне уже почти 45 – и я убываю с военной службы по-возрасту!
-Но, у нас ПРИКАЗ!! – майор начал багроветь.
-А, у меня тоже ПРИКАЗ Министерства! – Я, тоже, уже привычно, осверепел, - И меня ЗДЕСЬ уже НЕТ – я снят с учета – обращайтесь в Москву!! – И, решительно и бесцеремонно выдернув из рук майора свои документы, вышел из кабинета. Вслед мне летели яростные угрозы о суровой и неизбежной ответственности, вплоть до уголовной, за столь наглое и демонстративное нарушение закона о воинской службе. Чукотка не хотела меня отпускать.

Несмотря на откровенно комическую, балаганно-скоморошную ситуацию, прощальные угрозы военкома могли оказаться и вполне реальными – от чиновников подобного рода всегда можно ожидать самых откровенных пакостей – испытал уже на собственном опыте, хотя бы в недавней своей заграничной командировке, память о которой еще не успела остыть и выветриться. Поэтому, в Певеке, в последний день я постоянно нервно оглядывался, пока не очутился, наконец, на борту самолета. А, прилетев в Москву, сразу же отправился в свой районный Свердловский военкомат, для постановки на учет, как положено. Там, солидная дама, заглянув в мой, пухлый от вклеенных предписаний, военный билет, вдруг, с удивлением, спросила: - «Что за чушь?! У вас там все такие идиоты?!» «Ну, говорят, - это ПРИКАЗ из Москвы, однако!» - робко возразил я. «Вот уж, действительно, - заставь дурака Богу молиться...» - проворчала про себя регистраторша и резко, с мясом, выдрал из корочек вклеенные бумаги, небрежно отбросила мне потощавший билет. «Больше, я думаю, мы не увидимся! – сказала она, сердито, - Всего хорошего!» Я вздохнул с облегчением – военная служба для меня закончилась вместе с Певеком! Хотя, реально попрощаться с Чукоткой мне еще только предстояло, как оказалось.

Прощание с Чукоткой – 87-89 гг

Мое появление в ЦНИГРИ оказалось, неожиданно для меня, совершенно фантастическим. Меня, оказывается, так долго ждали, что я превратился уже, едва, не в легенду – меня водили по кабинетам, почти, как крыловского «слона по улицам». А, имена мирового уровня, с которыми я, запросто, лично знакомился и которые были теперь моими, вполне рядовыми, повседневными коллегами, вводили меня в мистический трепет. И я, впервые, почувствовал головокружение, - первый симптом «звездной болезни». И, первой меня попыталась остудить мудрейшая Наталья Петровна Костенко, которую я посетил в Университете, практически, сразу же по приезде. Когда она узнала, что я перешел на работу в ЦНИГРИ, сразу посерьезнела и сказала, покачав головой, - «Вы, там только поосторожнее, Сереженька, - не закопайтесь в мусоре – его там с избытком, - одна Наталья Риндзюнская чего стоит. Она у нас всего пару лет поработала – праздник был, когда, наконец, ушла! Упаси Вас Бог, с ней связаться!» И, достаточно скоро я и сам понял, что наша хваленая «наука», к которой я, со стороны, относился с таким, почти трепетным, уважением, действительно представляет собой достаточно грязный мусорный бак. А, «ученые», типа того же Ю.В.Бакулина в «Зарубежгеологии» или Н.М.Риндзюнской, с которой мне еще только предстояло свирепо воевать все последующие 12 лет в Институте, являются, совсем не исключением, как я полагал раньше, а вполне обыденной нормой, если, вообще, не её основой! Но, об этом позже, А, пока я был в полной эйфории.

Но, Чукотка, действительно, не хотела меня отпускать. И вновь неожиданно проявилась самым громким и скандальным образом. Уже поднадоевшее было, эхо певекского ярмарочного балагана донеслось и до Москвы. В дирекцию Института пришло вдруг нежданное официальное послание от Чаунской комплексной геологоразведочной экспедиции, подписанное лично её начальником - Геннадием Николаевичем Сутугиным, и посвященное лично мне – Казаринову Сергею Львовичу. Изумление в институте было безмерным. В письме руководство экспедиции высказывало глубочайшее сожаление, что новый сотрудник Института, своей профессиональной несостоятельностью, проявившейся во время его работы на производстве, роняет его авторитет, как ведущего отраслевого НИИ с мировым именем. Такого не ожидал даже я, давно привыкший к самым изощренным административным пакостям в свой адрес, тем более, от всегда улыбчивого «миротворца» Геши, с которым у меня никогда не было никаких конфликтов, ни производственных, ни личных. Оставалось предполагать, что это лишь «его ответный дуэльный выстрел» - ответ на случайный нокаут на крыльце «Северянки» в памятный День геолога 69-го – только отложенный почти на 20 лет. Так я и объяснил случившееся ребятам в отделе, над чем хором и посмеялись, завершая скандальное обсуждение.

И, лишь, позже, уже вновь оказавшись в Певеке, и, пообщавшись с гытчинскими ребятами, я вдруг понял истинную причину инцидента. Оказывается, Гена лично схалтурил еще, по-молодости, в начале 70-х, на двухсотке, когда закартировал явный «рыхляк» на Кувете, как вулканы. Тогда это было, достаточно обыденно, - нас в «школе» не учили, что кайнозой может лежать и на высоких водоразделах – его место в долинах и впадинах и прямому маршрутному картированию он, практически, не подлежал. Именно, на этой почве и возникли первые мои рабочие конфликты, - вначале с Депармами в 68-69-м, а затем и с Мазениным в 72-м. Потому, когда я эту, достаточно детскую, халтуру, уже Геннадия Николаевича, выявил в 84-м, то неожиданно и оказался, вдруг, во взбаламошно-исторической загранкомандировке, в Лаосе, но, к его сожалению, так же нежданно и вернулся из неё раньше времени. С Клименко он справился легко – чисто административно, но я вновь, несмотря на мое официальное отстранение от объекта, вдруг, снова «возник» - написал об уже вполне сознательной и официальной халтуре официальный рапорт – а потом, с этим, и в Москве, в ведущем НИИ оказался. И, Гена запаниковал, «дал слабину», - он уже знал, как я, в аналогичной ситуации, сумел поставить на место Бакулина и решил подстраховаться - официальной кляузой, по-возможности, заблокировать для меня участие в любых работах ЦНИГРИ на Чукотке. Но, добился, однако, прямо противоположного.

И я, уже через месяц, вновь был уже там! Оказывается, Станислав Алексеевич Лаухин, не зря так упорно добивался моего перевода – ему срочно нужен

был компетентный специалист для проведения анализа Пильхин-Куульского золотороссыпного узла на Восточной Чукотке, по договорной теме с Эгвеккинотской КГРЭ. И я, естественно, с радостью, согласился, оговорив при этом и посещение Певека – там еще оставался беспризорный контейнер с моими домашними вещами и мебелью, который надо было отправить в Москву. Это была моя первая «научная экспедиция» и мне опять предстояло многому учиться. А разница между «наукой» и производством была весьма существенной – «ученые» для нас, полевики, всегда были, при всем к ним официальном уважении, не более чем, празднующиеся туристами, хотя и весьма амбициозными. Они всегда пытались нас высокомерно учить работать, не обладая, иногда, даже азами полевых навыков, что вызывало, порой, и, достаточно, шумные официальные скандалы. Наиболее громкий из них случился у нас с группой московских геоморфологов Плахта - Воскресенского в 80 году. Ребята попробовали поучить нас, как надо исследовать Апапельхинскую низменность. Тема же низменностей была в экспедиции, и не без моего участия, уже много лет весьма болезненной и группу буквально «растоптали» на Техсовете экспедиции, благо они, как оказалось, даже не подозревали о нашей внутренней многолетней баталии на эту тему. И этот конфликт, кстати, послужил основой нашему, достаточно тесному, последующему знакомству и сотрудничеству с Володей Плахтом и Андреем Воскресенским, как и со всей лабораторией прикладной геоморфологии Географака МГУ его отца – проф. А.А.Воскресенского. Но, учить их полевой жизни и решению прикладных производственных задач приходилось уже мне и они это, с благодарностью, принимали. Производственников, практически, не было и у нас, в институте, поэтому, наверное, меня и принимали с такой радостью и почетом.

А, учиться мне теперь надо было не чисто полевой, а, именно, экспедиционной жизни. Я привык выезжать в поле, практически, лишь с полевой сумкой через плечо - все необходимое для работы и жизни нам доставлялось централизованно. А теперь я, как истинный турист, «все свое» должен был тащить на себе. И не за 100-200 километров, а через всю страну. Это сразу напомнило мне моё первое путешествие на Чукотку в апреле 67-го, обвешенного сумками и чемоданами в количестве 12 штук. Теперь ситуация полностью повторялась. Только, нас теперь было трое, а к сумкам и чемоданам добавилась еще добрая дюжина тяжелых вьючных ящиков, которые постоянно приходилось, кряхтя, перетаскивать с места на место, поскольку они везде и постоянно всем мешали. И каково было мое удивление, когда после прибытия на место, я обнаружил, что вьючники целиком забиты бумагами – оказывается Станислав Алексеевич возил с собой в поле, практически, весь свой личный архив. Ответ на мое крайнее изумление был поистине обескураживающ – «А, откуда я знаю, что мне здесь может понадобиться?!» Слава был типичным «кабинетным ученым» - он постоянно что-то писал, даже в автобусе, на коленке, и бережно хранил все свои записи – «мало ли, что может понадобиться». Пришлось с этим смириться - группой-то руководил именно он.

Хотя, официальным начальником, а, вернее, техническим администратором группы был третий наш спутник – чудеснейший молодой парень Леша Стефанский. Естественно, ему и доставались основные «развлечения», в процессе нашего перемещения в пространстве. Но, он, коренной москвич, впервые ехал так далеко, «на самый краешек земли», потому был преисполнен восторгом и энтузиазмом. Даже, когда мы на несколько дней застряли в Анадыре, в ожидании борта на Эгвеккинот, он был совсем не расстроен – столица Чукотки ему очень понравилась. Я же, давно привыкший к многосуточным сидениям в северных аэропортах, только отметил, что из Анадыря легче трижды слетать в Москву, чем добраться до, относительно недалекого, местного Эгвеккинота. Ну, а Слава Лаухин вообще был, как всегда, занят, в основном, лишь своими заметками «на коленках». Вот так мы и работали, теперь, по-новому, - по-науке!

А, Эгвеккинот, до которого, мы, в конце концов, все-таки, добрались, нас всех, буквально поразил – это было одно из красивейших мест не только на Чукотке, но и на Земле. Узкий голубой залив Креста, в окружении мягко-округлых изумрудных сопков был восхитителен, на зависть многим мировым тропическим курортам. Хотя поселок, вытянувшийся вдоль берега залива, был заметно скромнее разросшегося Певека. Но, в центре его тоже был морпорт – ворота всей Восточной Чукотки, с которого начиналась знаменитая Иультинская трасса, чукотский аналог

знамени-той Колымской. В 70-м я начинал свою самостоятельную геологическую жизнь на Чукотке на её западном окончании, на Шмидте, а теперь, в 87-м, заканчивал уже у восточного начала – в Эгвеккиноте. Мой чукотский жизненный круг, наконец, действительно, полностью замыкался. Хотя, он мог замкнуться и вполне реально, завершая цикл чукотского полевого гибельного экстрима. – За 20 лет я и горел и тонул, и на вертикальной скальной стенке безнадежно болтался, и от камнепада под полевой сумкой прятался, и с медведями нос к носу безоружный общался, и.... даже, от случайной браконьерской пули Бог меня миловал. Все-таки, действительно, живучим и везучим было наше, самое малочисленное в истории России, военно-позднесталинское поколение! Не зря нас Лев Анненский, очень метко, назвал «спасенышами» и мы же, повзрослев, стали потом - знаменитыми «шестидесятниками». И, Чукотка, на прощанье, тоже решила испытать меня еще одним, самым неожиданным, а потому и подлым, коварно-сладким образом, - свежей красной рыбой

А, началось все с местного морпорта, который заметно отличался от нашего - заполярного Певекского. У нас только в летнюю навигацию на рейде стояли большие оранжевые «морковки» и отдыхали, от трудов тяжких, знаменитые ледоколы. И в порт у нас народ пускали только на митинги, по случаю встречи первых судов и открытия навигации. Здесь же, навигация была, практически, круглогодичной, а морпорт – был, непривычно, общедоступным. И на пирсе можно было купить свежую рыбу прямо с борта любого подошедшего сейнера. И, когда, среди свежего улова, я вдруг впервые увидел огромную кету, просто не мог удержаться, чтобы её не купить, благо стоила она, икраяная, буквально, копейки. Благо, ко времени, в гости, сбежав из Певека, приехала Лариса Дубкова, и захотелось удивить моих новых московских коллег нашим настоящим тундровым деликатесом – красной рыбой-малосолкой. Правда, у себя, мы её делали, в основном, из нашего родного северного гольца, а тут – целая огромная кетина – на всех хватит! И, привычно, «распластав» рыбину и засолив её, я, естественно, в процессе, отпробовал пару свежих сладко-хрустящих кусочков. И, уже через пару часов почувствовал дурноту и бурление в животе. А, уединившись в туалете, тут же потерял сознание. И, повидимому, достаточно громко упал с унитаза, потому что Лариса сразу же вытащила меня из него, уложила в постель и вызвала «скорую», которая, по

счастью, находилась в соседнем бараке. «Проснулся» я, лишь через несколько часов. И, первое что услышал, не открывая глаз, - «Очнулся, милоч! - Ну, слава Богу!!» И открыв глаза, увидел перед собой добрейшее лицо премоилы бабули в сером, с детства памятном, пуховом платке на голове, но в белом медицинском халате. Оказывается, она просидела надо мной целых 6 часов, делая уколы и шепча какие то заклинания. Но, стоило мне открыть глаза – бабуля исчезла – оказывается, в поселке была чрезвычайная ситуация – от рыбных отравлений в эту ночь погибло 18 человек. А, я, в очередной раз, оказался «счастливым»! Хотя, конечно, тогда никто официальных ЧС не объявлял. И лишь позже, из неофициальных источников, стало известно, что из-за каких-то климатически аномалий, в Анадыре пришлось вообще отменить путину-87 из-за сверххранного, еще до нереста, отравления красной рыбы трупным ядом. И погибло, всего лишь, пару сотен человек.

В работе же у меня, практически, ничего не изменилось. А, с приездом Ларисы Петровны, создалась, вообще, полная аналогия с совсем недавней экспедиционной командировкой в Билибино. Будто и не уезжал из Певека. Лишь, в местной экспедиции к нам, теперь уже «москвичам», относились с большим почтением и предупредительностью. Опекал нас, лично, главный геолог экспедиции Сергей Адександрович Величко, который даже в, ставших уже привычными, винных очередях для нас толкался. Особенно потешно было наблюдать, как выходящие из здания экспедиции сотрудники почтительно здороваются со своим, зажатым в очереди за водкой, и, оттого, крайне смущенным, руководителем. Все великолепно понимали, что он старается не для себя, а, исключительно, «для гостей». Для меня же важным было то, что я, в очередной раз убедился, что россыпи на Чукотке везде концентрируются одинаково – как в западном Приколымье, так и в восточном Притихоокеанье. А, это уже была основа для более широких обобщений, которые можно было реализовать только в Институте, и это.... вдохновляло.

Оправившись после отравления, я отправился в Певек, завершать свои личные дела. Со мной, в качестве сопровождающего, отправился и Леша Стефанский – он придавал моей поездке официальный командировочный статус, а, главным образом, просто, с удовольствием,

знакомился с Чукоткой. Так я, впервые, реально узнал о полной свободе передвижения, принятой в «науке», чем потом и сам, с великим удовольствием, пользовался неоднократно. Даже, в Африку, помнится, летал «контрабандой». По дороге, мы, по какому-то сугубо формальному поводу, заглянули на Майский, где, в последний раз, полюбовались на перепаханный и изрытый знаменитый Паковлад, уже переименованный местными в Золотую сопку. Посещение же Певека получилось вообще грустным. Я побродил по пустой разоренной квартире, в которой прожил с семьей 15 лет, и оформил отправку контейнера с домашними вещами. В экспедиции мое появление никто, практически, будто и не заметил, кроме моих родных «гытченцев», которые, сразу, «хором» стали оправдываться в непричастности к скандальному письму-кляузе, направленному Сутугиным против меня в ЦНИГРИ. Юра Клименко так прямо и сказал, виновато: - «Сергей Львович! Вы ведь уехали! А, что МЫ можем сделать с «авторитетами»?!» И, я, лишь, грустно улыбался, – ребята, действительно, были уже другие. Это было уже поколение «развитого социализма» 80-х, с главным лозунгом - «А, что МЫ можем??!» Мы же – «спасеныши» 50-60-х, даже никогда не задумывались на эту тему, а просто и упрямо ДЕЛАЛИ своё ДЕЛО. И нам всегда казалось, что МЫ МОЖЕМ ВСЁ – «И, на Марсе будут яблони цвести». А, если, вдруг, свои силы переоценивали, гибли в тундре или, элементарно, спивались от отчаяния. Но, стояли всегда «до конца», хотя побеждали, к сожалению, все реже.

Но, без светлого пятна для меня на прощанье с экспедицией, все-таки, не обошлось. И получил я его с достаточно неожиданной стороны – от Володи Ляховича, с которым, как раз, у нас были весьма длительные и достаточно сложные отношения, как производственные, так и личные. Его от меня еще Гена Загородний защищал в 73-м, на Кууль-Иннукае, а, позже, я его, лично, с треском и мордобоем, за халтуру, выгнал с Пегтымеля в 76-м, заблокировав ему должность старшего геолога. И это был не случайный нокаут, как с Сутугиным на Дне геолога в 69-м – действительно, было, за что обижаться и мстить, при случае. Но, в быту, мы оставались друзьями, хотя сторонником моих производственных идей и методов он никогда не был, близко общаясь и с Виктором Васильевичем Красковым – главным моим многолетним оппонентом. Потому такого подарка я от него уж никак не ожидал.

А все, оказалось, очень просто – он, встав, наконец, у руководства экспедиционной разведкой и отвечая, соответственно, за план прироста запасов, вдруг, вспомнил и начал реально реализовывать мои прогнозные рекомендации, которые ранее официально блокировались. «Золото валом прёт из каждой дырки!» - хвастался он, - «Поднял все твои карты, начиная, с 74 года! Теперь весь прирост Объединения на себе тащу, прятаться приходится, чтобы совсем на шею не сели! Премиями завалили!» И он выдвинул нижний ящик своего рабочего стола, забитый пачками денег, в банковской упаковке, - «Только Зинаиде не говори – мигом обчистит!» И кинул мне через стол пару пачек сиреневых 25-рублевков, - «Бери «на бедность» московскую – хоть какая-то компенсация за многолетнее по тебе топтание!» Но, мне было вполне достаточно компенсации моральной – выходило, что я, все-таки, победил – моя система реально работала и давала стране реальное золото!

В результате, все закончилось богатейшим ужином «на троих» в нашем любимом ресторане «Арктика». Оплачивал наше гастрономическое и питейное изобилие, естественно, хозяин праздника, Владимир Петрович. Леша Стефанский, привыкший к московской материальной скромности, был настолько поражен нашим северным застольным куражом, что в течение нескольких последующих лет нашей совместной работы, допытывался у меня, сколько же это нам стоило и сколько, соответственно, он мне «должен»! Пришлось долго объяснять, что я и сам не знаю реальных наших трат, которые целиком оплачивала «принимающая сторона», т.е. Ляхович, персонально. А, у нас - северян не принято считаться тратами между друзьями – всегда платит «принимающая сторона». Тем и закончилось мое второе, но, как оказалось, еще не окончательное прощание с Чукоткой и Певеком.

Отпускать меня Чукотка, - моя главная профессиональная Родина, - конечно же, никак не хотела, хотя, как оказалось, «разлучителей» у меня, с переездом в Москву, только прибавилось. И, первым из них, неожиданно, оказался главный мой, вроде бы, официальный доброжелатель, практически, обеспечивший мне персональный перевод в институт даже без обязательного конкурса – наш заведомо Сергей Стефанович Кальниченко. Каково же было моё

удивление, когда после возвращения из Певека, я сразу же получил от него выговор, за, едва ли, не самовольный, без предварительного согласования с ним, отъезд, с группой Лаухина, на Чукотку. Это сразу же напомнило мне мои первые годы в Певеке и многочисленные устные и официальные выговоры за «самодетельность» от Льва Константиновича Хрузова. История опять повторялась и, как ей и положено, уже в гротесковом ключе, поскольку, я был уже другой – круто ученый. Хотя и склочный уровень здесь, в Москве, был уже несколько иной – «высоконаучный», именно тот самый, о котором меня, по приезду, и предупреждала мудрейшая моя «научная мама» - Наталья Петровна Костенко. Моя новая жизнь, вновь, начиналась конфликтом с непосредственным начальством – и это был уже диагноз или судьба. С него, вроде бы, случайно и незаметно для меня, началась новая многолетняя драка, завершившаяся через 12 лет моим демонстративным уходом, как из института, так, практически, и из «науки», вообще. Но, это уже совсем другая история.

Но, тогда, в эйфории всеобщего внимания и, особенно, певекских восторгов Ляховича, я даже сразу и не обратил внимания на «наезд» Кальниченко, приняв его за шутку. Впрочем, «шутки» достаточно быстро закончились – формализм в науке, как минимум, на порядок, был выше, чем на производстве. А, бюрократы у нас были всегда едины – еще Маяковский о том «трибунил». Кальниченко «вытаскивал» меня, как оказалось, лишь в качестве послушного благодарного «авторитета» в свою, не очень крепкую и многочисленную «команду». И, скандальное письмо Сутугина оказалось, для него, как нельзя, кстати - меня можно было сразу «прижать». Но, я отнесся к этому легкомысленно. Тогда он «наехал» на Лаухина, который был главным инициатором моего перевода и, соответственно, должен был иметь на меня решающее влияние. И, очень «пластичный», как оказалось, в отношениях с руководством, Станислав Алексеевич, в конце концов, поддался. Весной я, вдруг, услышал от него, что в поле с ним в Эгвекинот я больше не еду, с темы снимаюсь, поскольку против моего дальнейшего участия в ней выступил сам хозяин «территории» С.А.Величко. Это было вновь «гротесковое» повторение моей, совсем недавней, истории с «Зарубежгеологией» и Бакулиным в Лаосе. Только теперь меня не пускали уже не «взарубеж», а на родную Чукотку. Абсурдности ситуации оставалось только поражаться. И мы, впервые, круто поссорились с Лаухиным. А я, вдруг, оказался в знакомой атмосфере – будто и не уезжал из родной экспедиции. И, привычно, начал активно сражаться привычными методами – делать все принципиально по-своему.

Хотя, «убрать» меня с Чукотки, было уже, практически, и невозможно. Восточно-чукотские материалы оказались для меня последним недостающим звеном в новой концепции поисков и прогнозирования россыпей. И, я уже легко составил для Чукотки карту россыпной золотоносности на новой, своей собственной, структурно-формационной основе. И доложил её на VI Всесоюзном совещании по геологии россыпей в Благовещенске. И от этого уже было сложно отмахнуться, поскольку моя карта должна была лечь в основу Всесоюзной карты россыпной золотоносности, к которой мы, как раз, в отделе и приступали – ЦНИГРИ была поручена целевая госпрограмма по её составлению. А, это было уже законом и для чукчей, тем более, для бюрократов от золотороссыпной геологии. Хотя, вся борьба за это у меня была еще впереди. Но, я, вновь, был полон решимости и энтузиазма. И через год, вдруг, получил официальное персональное приглашение в Певек, на празднование 50-летия экспедиции.

Я был в это время на очередном крупном ученом совещании – Международного Тихоокеанского конгресса во Владивостоке. И сразу же, с радостью, устремился на север. Но, долетел только до Петропавловска-Камчатского – дальше не пустили. Я, оказывается, совсем забыл, что уже НЕ житель Чукотского АО, и мне требуется специальный пропуск – письма-приглашения оказалось недостаточно. И пропуск мне могли выдать только в региональных органах – в Магадане. Пришлось лететь в Магадан. Но, и там мне сказали, что пропуск мне могут оформить только по запросу моей главной региональной производственной организации – ПГО «СевВостГеология». Пришлось идти в старые родные стены Магаданского управления, где мне, без особого энтузиазма, разрешили, наконец, слетать в Певек... на 3 дня! Совковая бюрократия в стране уже достигла своего, поистине маразматического, апогея, что, конечно, любое праздничное настроение убивало на корню.

Потому и в Певеке праздничные мероприятия для меня прошли, как в тумане, хотя встретили меня официально дружелюбно и даже наградили, как положено, Почетной грамотой «за многолетний самоотверженный труд на благо!» Но, города, ставшего родным, практически, так и не увидел. Как и с бывшим родным коллективом пообщался лишь на пышном официальном банкете в ресторане «Арктика». Хотя и он, тоже, уж совсем не был похож на наши бурные старые дружеские застолья, к сожалению. Старой экспедиции-РайГРУ уже не было – оставались только отдельные «старики». Я даже поражен был – насколько все быстро изменилось после моего отъезда. Хотя возможно изменился, именно, я сам, со своим уже «столичным» мировосприятием. Но, главный чукотский прощальный подарок, оказалось, еще ждал меня впереди.

Праздник мой закончился, не успев, по-настоящему, начаться. Уже утром, после банкета, я был в новом шикарном аэровокзале Певека, ожидая самолета на Москву. Но, на регистрации меня, вдруг, задержали пограничники. История, вновь повторялась – Чукотка не хотела меня отпускать. Оказывается, срок действия моего пропуска на «территорию» закончился вместе с окончанием юбилейного банкета в ресторане, и я сразу стал «нарушителем погранрежима». На моё удивленное замечание, что они сами делают меня «нарушителем», не позволяя сесть в самолет и улететь из охраняемой ими «погранзоны», ответ был уже знаком – «Таков приказ!» И сразу же вспомнилось бурчливое замечание тетеньки в московском военкомате – «У вас там что - все такие идиоты?!» Пришлось и мне вспомнить о формализме – самолет мой улетал из Певека в 8-50, т.е. – в 23-50 по центральному в стране - Московскому времени – а, мой «пропуск» был официально действителен до 24-00! Соответственно, задержание моё было преждевременным и явным нарушением того самого «приказа». И, удивленным погранцам осталось только козырнуть мне и пожелать «счастливого пути», а мне, вновь, облегченно вздохнуть, оказавшись, наконец, на борту самолета. Это становилось уже привычным, но я чувствовал, что покидаю Чукотку и Северо-Восток, теперь уж, действительно, навсегда. И дальше мне останутся только, связанные с ними, воспоминания о главных годах и героях моей личной и профессиональной жизни. Стало грустно. Наступала пора подводить итоги.

Впервые задумавшись над этим, я, вдруг, с удивлением, обнаружил, что в самолете вокруг меня нет ни одного, хотя бы отдаленно знакомого лица, будто я летел не из родного маленького Певека, а из какого-нибудь Хабаровска. Раньше это было, практически, невозможно – в городе, бывало, приходилось здороваться едва не с каждым встречным. А, в Москву приходилось возить, по случаю, даже совершенно посторонних детишек, которых родственники встречали потом во Внуково, как это и со мной было в 74-м, когда я летел с дочерью в первый свой настоящий семейный отпуск. А, в долгом путешествии «на материк», особенно, в промежуточных аэропортах, пассажиры быстро начинали кучковаться по знакомству и интересам. Но, времена изменились, и как-то незаметно изменился и Певек и певекчане. Внешне очень положительно, но, внутренне, сильно деградировав, все больше приравниваясь к центральным районам страны. В город из аэропорта уже не надо было ехать на чемоданах 3 часа, на руках вытаскивая маленький ПАЗик из каждого дорожного ухаба, как это было со мной в памятном 67-м. Теперь, по новому бетонному шоссе, можно было, с полным комфортом, докатить до Певека и за 20 мин. Город, вместо «бараков на косе», оброс красивыми комфортными «пятиэтажками», а, мы забыли про «водовозки» и бочки с водой на лестничных площадках. Экспедиция наша тоже переселилась в шикарную пятиэтажку, но стала и внутренне чинно-аккуратной. Жизнь, круглосуточно бурлившая в старом здании «с колоннами» и на шумных домашних «посиделках», постепенно превратилась в мирно журчащий ручеек. Если раньше мы были заняты только «работой», даже «гуляя по девочкам», то теперь производственные темы вспоминались, разве что, в шикарном актовом зале, по торжественным датам и вручении очередных переходящих «красных знамен», с соответствующими премиями, за трудовые подвиги буровиков. И, люди все больше уходили «в быт», на который раньше, практически, не обращали внимания, обходясь предельным минимумом, как в тундре, так и дома. К этому и детишки с младенчества привыкали, хотя их и было иногда жалко до слез.

И, в этой, новой экспедиции, мне уже, действительно, не было места. Просто, я был из «старого теста» и в неё уже не вписывался. Хотя ночью, по-прежнему, просыпался от острого, но приятного ощущения мягко пружинящей тундры под ногами. Но, оставалось общаться только со старыми друзьями-

коллегами, благо, «на метерике» их было уже достаточно много. Даже, у нас в Институте, в соседних отделах оказались сыновья наших легендарных основоположников знаменитой «Чаунской школы геологов» - Владимир Николаевич Чемоданов и Сергей Феликсович Стружков, которого я знал еще мальчишкой-школьником, в конце 60-х, в Певеке. Ну, а с Володей мы были близкими друзьями с первого моего чукотского поля в 67-м. Ну, и рядом, как и, в мои первые чукотские годы, были ближайшие и надежнейшие друзья – Валера и Наташа Тимохины. На этот раз, Валерий Иванович учил меня работать уже в Африке, доказывая, что принципиальной разницы с Чукоткой там не существует, достаточно не забывать, чему нас учили наши, лучшие в мире, учителя в институте. Хотя сам он в Африку, куда нас усердно зазывал на работу наш общий близкий знакомый по Певеку и Шмидту - Валера Сухорослов, не собирался, сетуя на то, что... «чукчи, как и мамонты, в тепле долго не живут». И, как ни печально, первым и ушел от нас неожиданно и скоростижно, не сумев долго прожить, даже в Москве.

Неожиданно близко мы сошлись, вдруг, и с другим известным представителем легендарного нашего «питерского клана», - Володей Кузьминым, покинувшим экспедицию вместе с Вадиком Коровкиным, сразу после нашего совместного «огненного лета – 69-го» и последующего «воцарения» В.И.Лаштабега. Когда и я сам первый раз едва не сбежал с Чукотки. Поэтому, нам, естественно, было, что вспомнить. А, теперь, он, будучи уже ведущим научным сотрудником ВНИИ «Севморгео» в Питере и часто бывая в Москве, усиленно зазывал меня обратно «на Севера», прежде всего, на Таймыр и Северную Землю, которую уже много лет исследовал, по примеру Чукотки. Предлагал даже съездить на некие совместные экспертные работы и на родную Раучуа, по линии СМП, т.е. в обход любых региональных и ведомственных бюрократических барьеров. Он же, первым, и объяснил мне, как можно, в свое удовольствие, пользоваться своими новыми «учеными» привилегиями. И я несколько раз ездил к нему в гости, выписывая себе фальшивые командировки в Питер.... «на белые ночи». И отдыхал у него на даче в Ломоносове на заливе, даже со своей старой школьной подругой, но уже заслуженной артисткой ЦДТ, Наташкой Оленевой, которую тоже оформлял, на время командировки, своей лаборанткой! Наша знаменитая веселая, поначалу, «дачная партия-69», таким образом, как бы продолжалась, а история вновь повторялась, но уже как комедия. Хотя и финал у неё, тот же - «свирепо огненный», конечно, был уже неизбежен.

Несколько позже в Москве появился и Сергей Федорович Бегунов, который сразу же начал публиковать свои воспоминания по нашим общим героическим чукотским годам, чем и меня сподвигнул на соответствующие «мемуары». Удручающее впечатление оставила встреча, практически, с главной героиней моей чукотской эпопеи, когда-то мудрейшей и энергичнейшей в делах, Валеи Грушиной, которая после скандального отъезда из Певека и последовавшей за этим смерти любимого своего непутевого муженька - Борьки, так и не сумела найти своего места в новой «посткоммунистической» действительности. Стала, может быть, последней прощальной жертвой истлевшего уже режима, как когда-то В.Г.Романчук, Юра Назин и многие-многие другие. Но, главным, конечно, московским гостем для меня всегда был Володя Ляхович. Впервые он появился в Москве в первую же зиму после моего отъезда из Певека. Его командировали на курсы повышения квалификации, на которые и я ездил когда-то, как в неплановый отпуск. Но, на этот раз, я был уже сам преподавателем на этих курсах, организованных в ТГУ «Центргеология». И после моей лекции мы, с группой благодарных слушателей, подались в город, чтобы в ресторане, в неформальной обстановке, как положено, обсудить её детали. Но, советское время еще не закончилось и во всех известных мне центральных ресторанах мест, традиционно, уже не было. В результате, профессиональная наша компания распалась, а мы с Ляховичем, как бывало в Певеке, устроили веселые семейные посиделки прямо на кухне нашей старой коммунальной квартиры, на Новослободской. Так регулярно и продолжалось в течение более 10 последующих лет, пока, проведив его в очередной раз, уже в Анадырь, я не услышал вдруг неожиданную и печальную весть о его скоростижной кончине.

И, к сожалению, подобные печальные вести, с каждым годом приходили все чаще. А, на фоне происходящего в стране, и в окружающей меня профессиональной среде, на душе становилось только мрачнее. И на очередном траурном застолье в ИГЕМе, после похорон

Натальи Георгиевны Патык-Кара, мы, вдруг, едва не поругались с Володей Терентьевым. Тем самым, к которому я ехал когда-то молодым специалистом на обучение, с рекомендательным письмом самого С.И.Гурвича в кармане. Теперь он был уже Замминистра Природных Ресурсов и сиял на лацкане пиджака свежей медалькой Лауреата госпремии, от которой я, незадолго до того, отказался, демонстративно уволившись из Института. И он начал, вдруг высказывать свои сомнения в рациональной целесообразности моей позиции. В реально сложившейся обстановке надо быть более гибким и прагматичным. И когда из меня уже готово было вылиться все резкое неприятие реальной действительности, вместе с фальшивой госпремией, которой он незаслуженно награжден, меня, вдруг сзади кто-то мягко тронул за плечо. Передо мной стоял незнакомый молодой парень. «Вы, ведь, Казаринов?! – спросил он, - Сергей Львович?! А у нас про Вас легенды ходят - говорят, - «Был такой полевой начальник – Суровый, но справедливый! Львовичем, звали!» - ужасно рад познакомиться!!» Я был ошарашен и вся раздраженная, накипевшая резкость сразу куда-то исчезла. Я посмотрел на тоже удивленного Терентьева и только обнял его. Я, вдруг понял, что мы с ним след за собой в жизни все-таки оставили, и пока НАС помнят и МЫ и дело наше БУДЕМ ЖИТЬ. Поблагодарил и парня, оказалось, молодого певекчанина и вспомнил свой восторг от подобного же контакта с легендарным Германом Кузмичом Зубовым в Лаосе. И преисполнился, наконец, истинной благодарности и к Чукотке и к людям её, с которыми больше 20 лет дружил и сражался, работал и дрался, тонул, горел и веселился, и которые и сделали меня таким, каков я есть. И теперь, когда мне задают стандартный вопрос о делах и самочувствии, всегда стандартно и отвечаю – «Лучше всех, как всегда, - я ведь ЧУКЧА!!»

© Сергей Казаринов 2017г.